

11 СЕНТЯБРЯ И ПОЛИТИКА КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ И АКЦЕНТЫ

Виталий Боровой

Не так давно известный американский специалист по международным отношениям Збигнев Бжезинский заявил, что в будущем китайское влияние станет преобладающим в Центральной Азии по сравнению с российским и американским и будет определяющим фактором во взаимодействии США, России и Китая в этом регионе¹. Подобная оценка ситуации в Центральной Азии может показаться несколько неожиданной, поскольку развитие событий после 11 сентября 2001 г. очевидно свидетельствует о желании США сохранить свое присутствие в Центральной Азии на неопределенный срок, что ведет к значительному снижению политической роли активно поддерживаемой Пекином Шанхайской организации сотрудничества.

Помимо этого, изменилась и геополитическая ситуация вокруг региона. Война Америки с терроризмом привела к упрочению связей США с Пакистаном, Индией и особенно Россией, что расценивается в Пекине как попытка США окружить Китай по периферии и оторвать от него возможных союзников. Все это позволяет некоторым американским авторам говорить о том, что война Америки с международным терроризмом привела к "стратегической катастрофе" для Китая на его западных рубежах, поскольку действенность тех связей, которые Пекин стремился наладить со странами Центральной Азии, Россией, Индией и даже Пакистаном, была поставлена под серьезное сомнение².

Тем не менее, с заявлением Бжезинского, видимо, нужно согласиться, если иметь в виду долгосрочную перспективу и при условии того, что рост китайской экономики продолжится. В экономическом смысле ни США, ни Россия не открывают для республик Центральной Азии таких экономических возможностей, как китайский рынок. Масштабы китайской экономики и географическая близость к Центральной Азии являются залогом существенного или, возможно, даже преобладающего влияния Пекина в регионе в будущем. По мнению автора данной статьи, основной стратегией Китая в Центральной Азии на новом этапе развития отношений с регионом, который начался после 11 сентября, становится стремление достичь асимметричного равновесия сил, т. е. попытка компенсировать американское военное присутствие, рост политического влияния Вашингтона, а также иные неблагоприятные изменения в геополитике региона, прежде всего за счет более интенсивного развития экономических связей, в первую очередь, в области транспорта и энергетики.

Основные изменения в геополитической ситуации в Центральной Азии после 11 сентября 2001 г. Как признает известный американский специалист по России и Китаю Э. Вишник, до 11 сентября Центральная Азия оставалась на периферии американской внешней политики³. Однако уже в феврале 2002 г. госсекретарь США К. Пауэлл в выступлении перед комитетом по международным делам Конгресса заявил, что "США заинтересованы в Центральной Азии и в сохранении своего присутствия здесь настолько, что это показалось бы совершенно невероятным прежде"⁴. Атака на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке фундаменталь-

но изменила отношение Вашингтона к странам Центральной Азии, которые стали одним из основных плацдармов для передового базирования американских войск в войне с терроризмом.

Что касается американских целей в регионе, то Министерство обороны США уже в октябре 2001 г. опубликовало доклад, где обобщался ряд принципов, определяющих политику США в Центральной Азии. Как отмечалось, целями США являются: поддержание баланса сил в Центральной Азии, предотвращение доминирования в ключевых районах региона сил, враждебных США; обеспечение доступа к региональному рынку и стратегическим ресурсам; противодействие угрозам, исходящим с территории слабых государств региона; обеспечение союзнических отношений со странами Центральной Азии и поддержание готовности вмешаться в случае неожиданного возникновения регионального кризиса⁵. В целом, это совпадает с заявлениями представителей гражданских ведомств США⁶. Таким образом, очевидны три основные цели США в Центральной Азии: *поддержка местных светских режимов в их противостоянии исламской оппозиции, сохранение в регионе благоприятного для США баланса сил между крупными державами и обеспечение стратегического контроля над энергоресурсами*. Методы достижения этих целей достаточно многообразны.

Для обеспечения стабильности местных режимов США, помимо размещения своих баз в Узбекистане и Кыргызстане, также оказывают довольно значительную финансовую поддержку. Особый акцент США делают на развитие союзнических отношений с Узбекистаном. В соглашении о стратегическом партнерстве, подписанном в 2002 г., США обязались "со всей серьезностью относиться к любой внешней угрозе безопасности Узбекистана"⁷. Размеры финансовой помощи со стороны США этой стране в 2001—2003 гг. составили около 172 млн дол США, что в 10 раз больше, чем общая сумма, которую получили за тот же период все остальные страны Центральной Азии вместе взятые. Со своей стороны, президент Узбекистана Ислам Каримов в марте 2002 г. заявил, что США могут сохранять свое присутствие в Узбекистане до тех пор, пока сочтут нужным⁸.

Вместе с тем не забыты и другие страны, прежде всего Казахстан. Например, США оказывают помощь Казахстану в создании флота на Каспии⁹ и, по данным китайских специалистов, ведут переговоры о создании двух баз американских ВВС на востоке страны, в Семипалатинске и Талды-Кургане¹⁰.

Что касается обеспечения благоприятного для США баланса сил в регионе, Вашингтон прежде всего заинтересован в проникновении в регион Североатлантического альянса. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в 1997 г., когда 500 солдат и офицеров 82-й десантной дивизии США высадились на территории Узбекистана. В дальнейшем такие совместные маневры США и Центразбата осуществлялись ежегодно (за исключением 2002 г.)¹¹. Хотя формально эти учения и не являлись частью программы "Партнерство

Боровой Виталий Ростиславович — преподаватель кафедры восточных языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета

во имя мира", тем не менее представители альянса заявили, что эта акция соответствует духу данной программы. Именно как акция НАТО маневры были восприняты и в Пекине, где реакция была однозначно негативной¹².

Китайские специалисты отмечают, что если до событий 11 сентября и американской военной акции в Афганистане НАТО проявляло весьма ограниченный интерес к Центральной Азии, а основными региональными механизмами безопасности было сотрудничество в рамках СНГ, а также ШОС, то к концу 2001 г. НАТО значительно активизировалось. Предполагается, что в регионе у НАТО есть несколько целей. Цель-минимум заключается в создании целой сети баз слежения, зона действий которых покрывала бы Каспийское море, всю Центральную Азию и западные районы КНР. Цель-максимум — это еще более тесное военное сотрудничество между альянсом и странами региона, хотя возможные границы этого сотрудничества пока неясны¹³.

Несмотря на очевидно негативную реакцию на действия НАТО на своем заднем дворе, Пекин уже в октябре 2002 г. официально предложил альянсу создать механизм, который обеспечивал бы возможность регулярного диалога между КНР и НАТО по проблемам Центральной Азии. Как полагают американские аналитики, Пекин преследует две цели: во-первых, во избежание возможных трений и конфликтов в будущем Китай стремится своевременно наладить сотрудничество с альянсом. Во-вторых, существует вероятность того, что конструктивная позиция Китая и демонстрируемая склонность к диалогу могут способствовать развитию различных подходов к проблеме Центральной Азии и углублению определенных противоречий между США и их европейскими партнерами¹⁴.

Помимо своих партнеров по НАТО, Вашингтон, формируя новый баланс сил в Центральной Азии, стремится привлечь сюда Индию. События 11 сентября оказали заметное влияние на отношения КНР с Индией и Пакистаном, где американское влияние заметно укрепилось. Одним из последствий этого стало замедление процесса улучшения отношений между Китаем и Индией, который продолжался, несмотря на испытание Индией ядерного оружия в 1998 г.¹⁵

В свое время администрация Клинтон сделала определенные шаги по укреплению отношений с Индией. После избрания Буша, провозгласившего, что Китай является стратегическим соперником Америки, эта тенденция заметно усилилась. После 11 сентября Индия впервые в своей истории предложила иностранной державе (т. е. США) разместить на своей территории военные базы. Хотя США предпочли в данном случае территорию Пакистана, сотрудничество с Индией продолжало развиваться, и уже весной 2002 г. военные корабли двух стран начали совместное патрулирование Малаккского пролива¹⁶, через который, кстати, идет более 60% импортируемой в Китай нефти.

Что касается собственно Центральной Азии, то за последние несколько лет Индия заключила ряд соглашений с Казахстаном, Узбекистаном и Таджикистаном, касающихся военного сотрудничества, обучения персонала и помощи в производстве вооружений¹⁷. Активизация Индии в Центральной Азии после событий 11 сентября при вероятной поддержке подобных действий со стороны США достаточно очевидна, особенно если учесть, что еще в середине 1990-х гг. интересы Индии в данном регионе ограничивались поддержанием определенного экономического влияния с целью предотвратить чрезмерное усиление влияния здесь Пакис-

тана¹⁸. Китайские специалисты также отмечают повышенный интерес Дели к Центральной Азии и полагают, что Индия может стать новым соперником КНР в борьбе за энергоресурсы Центральной Азии¹⁹.

Россия, издавна играющая в регионе одну из ведущих ролей, также предприняла ряд мер, чтобы укрепить свое слабеющее влияние в Центральной Азии. Во-первых, создана российская авиабаза в Киргизии и несомненно то, что Москва согласовала этот шаг с Вашингтоном. Во-вторых, Договор о коллективной безопасности, куда из центральноазиатских стран входили Казахстан, Киргизия и Таджикистан, преобразован в Организацию Договора о коллективной безопасности, а с 1 января 2004 г. в Москве начал действовать объединенный штаб сил ОДКБ. В-третьих, Москва довольно активно пытается продвигать свои интересы в сфере транспортировки энергоресурсов из региона. В 2002 г. Россия подписала соглашение по газу с Туркменистаном, предполагающее, что практически весь туркменский газ будет уходить в Россию, а также соглашение с Казахстаном сроком на 15 лет относительно экспорта казахской нефти через Россию²⁰.

События последних лет, например, ситуация вокруг конкурирующих проектов Ангарск — Дачин и Ангарск — Находка, довольно четко показали, что Москва больше склонна прислушиваться к мнению Вашингтона и его союзников, нежели к мнению Пекина. Несмотря на то что позиция России в отношении Центральной Азии неоднозначна, активное сотрудничество Москвы и Вашингтона свидетельствует о том, что Россия, скорее всего, будет согласовывать свою политику в Центральной Азии прежде всего с Западом.

Непосредственно с момента распада СССР США стали уделять пристальное внимание энергоресурсам Центральной Азии. Уже к середине 1990-х гг. в регионе действовало около 30 американских нефтяных компаний, образовавших примерно 80 совместных предприятий по разведке и добыче энергоресурсов²¹. Одна только компания "Шеврон" к середине 1997 г. вложила около 1,3 млрд дол. США в разработку нефтяного месторождения в Тенгизе (Казахстан). В настоящее время, когда уже практически решены все технические вопросы, связанные с прокладкой нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан, США осталось привлечь сюда казахстанскую нефть, и тогда будет создан серьезный прецедент по прокачке центральноазиатской нефти через коридор из стран, полностью лояльных Западу. Если война против терроризма прочно вовлекла Центральную Азию в орбиту геополитических и военных интересов США и НАТО, то трубопровод Баку — Джейхан привяжет Центральную Азию к стратегическим интересам Запада в области экономики.

Таким образом, события 11 сентября привели к тому, что Пекин в Центральной Азии столкнулся с фактом согласованных действий США, своего потенциального врага номер один, и НАТО, а также с опасностью того, что к этой коалиции может присоединиться еще один соперник Китая — Индия, тогда как Россия, являющаяся основным союзником КНР в Центральной Азии, активно преследует свои собственные интересы и, по меньшей мере, не вполне надежна.

Реакция Пекина: развитие асимметричного баланса сил в Центральной Азии. Глубокие изменения, которые произошли в Центральной Азии после 11 сентября 2001 г., заставили Китай начать корректировать свою политику в отношении региона. Потенциально перед Пекином открываются две возможности повлиять на ситуацию: военно-политичес-

кая и экономическая. С точки зрения первой возможности, КНР может попытаться активизировать свою политику в рамках ШОС и в противовес действиям США укрепить военно-политическую составляющую организации. Вторая возможность заключается в том, чтобы превратить ШОС в эффективный механизм развития экономических связей между Китаем и другими участниками, а также форсировать осуществление крупных энергетических проектов между Китаем и Казахстаном, а также, возможно, Туркменией.

Некоторые западные специалисты полагают, что Китай стремится сочетать военно-политическое укрепление ШОС с развитием двусторонних отношений. По их мнению, Пекин предпринял ряд усилий, стремясь убедить центральноазиатских лидеров в том, что безопасность Центральной Азии должна обеспечиваться совместными усилиями стран региона и их непосредственных соседей без внешнего участия. Эти усилия оцениваются как неспособные перевесить ни значительного традиционного влияния России в регионе, ни существующих американских инвестиций в различных формах, а также как малоэффективные из-за подозрительного отношения к Китаю части населения центрально-азиатских стран²².

Что касается укрепления военно-политической составляющей ШОС для противодействия замыслам США в регионе, то единственным возможным козырем для Китая и России могут быть более определенные гарантии безопасности конкретным существующим режимам. Гарантии США Узбекистану, упоминавшиеся выше, в настоящее время подвергаются резкой критике со стороны внутренней оппозиции в США как открытая поддержка авторитарного режима, что налагает определенные ограничения на возможную помощь Узбекистану. В отличие от США, ни Россия, ни тем более Китай не испытывают подобных ограничений и их вовлеченность в судьбы центральноазиатских режимов зависит исключительно от геополитических соображений и в политическом плане может простираться гораздо дальше, нежели участие США. Возможно, нечто подобное имеет в виду А. Лукин, говоря о том, что подход стран ШОС, в отличие от американской тактики военных ударов, более широк и учитывает связь между международным терроризмом, сепаратизмом и религиозным экстремизмом, а целями организации являются обеспечение территориальной целостности и сохранение светских режимов в странах Центральной Азии²³. В любом случае, в политическом плане для России и Китая это, видимо, единственный относительно эффективный политический ответ на активизацию США в регионе после 11 сентября.

Однако остается под серьезным вопросом то, какую степень ответственности за судьбу существующих режимов готовы взять на себя Россия и Китай и от каких именно угроз они готовы их защищать. Строго говоря, в настоящий момент для режимов Центральной Азии существует две основные опасности. Во-первых, угроза со стороны внутренней исламской оппозиции. Однако при условии, что инициированный Бушем проект по обузданию исламской угрозы увенчается даже минимальным успехом, этого, в сочетании с довольно скромной по американским меркам финансовой поддержкой и присутствием американской армии в регионе, будет, видимо, достаточно, чтобы эффективно препятствовать созданию исламских государств в Центральной Азии. В этом смысле западные аналитики правы, указывая на неэффективность и маргинализацию ШОС после 11 сентября.

Во-вторых, существует угроза того, что США, закрепившись в регионе, попытаются заменить существующие авторитарные режимы на более демократичные и либеральные. Вот именно в этом плане, если Россия и Китай согласятся дать пусть неформальные, но более конкретные гарантии безопасности центральноазиатским авторитарным режимам, для ШОС остается существенная политическая ниша в регионе. Но весьма сомнительно, что Пекин, имея массу других проблем, рискнет пойти на такой авантюрный шаг, граничащий с прямым противостоянием США. Еще менее вероятно то, что Россия и Китай смогут договориться относительно разделения ответственности в случае возникновения соответствующего кризиса в одной из центральноазиатских стран.

Помимо политических действий в рамках ШОС, для противодействия США Пекин мог бы попробовать сформировать более тесные военно-политические связи с одной из стран региона, пытаясь противопоставить ее союзнику США Узбекистану. Однако, даже если бы Казахстан, единственная страна в регионе, способная конкурировать с Узбекистаном, согласился на подобное сотрудничество с Китаем, что практически невероятно, Китай создал бы для себя больше проблем, чем решил. Во-первых, это прямой путь к столкновению с Россией и, соответственно, распаду ШОС. Во-вторых, это ведет к прямому противостоянию с США, к чему Пекин не готов, особенно из-за Центральной Азии. В-третьих, подобная политика приведет к распаду региона на враждующие блоки, что создаст благоприятную атмосферу для активизации террористических организаций, в том числе и в китайском Синьцзяне.

Все эти опасности попыток противостояния США в военно-политической сфере вполне очевидны, и пекинское руководство, несомненно, хорошо осознает губительность подобного пути. Поэтому, как представляется, КНР пойдет по второму пути — экономическому, стремясь всемерно укрепить экономические связи и зависимость стран Центральной Азии от китайского рынка.

В рамках ШОС для подобной политики существуют все возможности и в этом направлении уже приняты важные шаги. Так, в 2002 г. в рамках организации создан Совет министров экономики и торговли стран-участниц. В сентябре 2003 г. на заседании Совета глав правительств была принята долгосрочная программа многостороннего экономического сотрудничества до 2020 г. В настоящее время, после того, как в Пекине в январе 2004 г. был наконец открыт Секретариат ШОС, предлагается создать деловой совет ШОС, в который могли бы войти не только чиновники, но и бизнесмены. Поскольку ограниченного бюджета ШОС (бюджет 2004 г. составляет 3,8 млн дол. США) для финансирования крупных экономических проектов, прежде всего в области инфраструктуры, явно недостаточно, обсуждается идея создания инвестиционного фонда ШОС²⁴. О необходимости усилить экономическую составляющую ШОС говорят также и китайские авторы, видя в этом залог успешной реализации энергетических проектов²⁵. Как считают китайские специалисты, страны Центральной Азии разочарованы некоторыми аспектами политики США и стремятся диверсифицировать пути сбыта энергоресурсов²⁶. Для обеспечения свободного доступа к энергоресурсам предлагается также сосредоточить усилия на развитии дружественных отношений с Казахстаном и Туркменистаном²⁷.

Одним из главных факторов, непосредственно определяющих политику Пекина в отношении Централь-

ной Азии, можно считать так называемую политику освоения западных районов (*Xibu da kaifa*), начало которой было положено в 90-е гг. XX в. Основной целью этой политики является всестороннее экономическое развитие западных регионов КНР, которые включают 12 провинций и автономных районов. Базовой стратегией их развития, в особенности для Синьцзяна, по представлению китайских специалистов, является привлечение инвестиций из восточных, уже относительно развитых районов Китая, создание за счет этих инвестиций различных промышленных предприятий в регионе и экспорт их продукции за рубеж, прежде всего в страны Центральной Азии²⁸.

В этой связи необходимо сделать некоторые замечания относительно состояния торговых связей между Китаем и странами региона. Общая тенденция заключается в непрерывном росте объема торговли. Если в 1992 г. товарооборот не превышал 460 млн дол. США, то к 2000 г. он достиг 1,8 млрд. Несмотря на незначительность удельного веса торговли со странами Центральной Азии в общем объеме внешней торговли КНР (в 2000 г. он составлял лишь 0,38%)²⁹, необходимо иметь в виду, что Синьцзян и другие провинции на западе КНР только начали развиваться и в экономическом плане их потенциал практически не реализован. Не подлежит сомнению, что по мере реализации планов по освоению западных районов, если учитывать ориентированность этих планов на экспорт, объем торговли между западными районами Китая и странами Центральной Азии должен существенно возрасти.

Вышесказанное вовсе не означает, что Китай полностью откажется от политического взаимодействия и сотрудничества в области безопасности со странами региона в рамках ШОС или на двусторонней основе. Работа в этом направлении ведется и будет продолжаться (например, во время последнего визита министра обороны РФ С. Иванова в Пекин стороны договорились о проведении совместных маневров в рамках ШОС летом 2004 г.). Однако ситуация вынуждает китайское руководство перенести свои основные усилия в сферу экономики и торговли, что позволит использовать естественные преимущества КНР в борьбе за регион и избежать столкновений с США.

В целом, после 11 сентября 2001 г. наиболее опасным для КНР в Центральной Азии является не столько само американское присутствие, сколько возможность того, что США удастся выстроить новую систему региональной безопасности с участием таких стран, как Россия и Индия, и при поддержке НАТО. В этом случае влияние КНР в Центральной Азии будет сведено к минимальному уровню. Осознавая, что в настоящее время Китай не имеет возможности прямо противостоять действиям Вашингтона в данном регионе, Пекин стремится играть на перспективу, не давая повода для подозрений в агрессивных намерениях и содействуя формированию имиджа Китая как страны широких торгово-экономических возможностей для центральноазиатских стран. Это хорошо сочетается с политикой освоения западных районов КНР, проводимой со второй половины 90-х гг. XX в., и с текущим внешнеполитическим курсом в целом.

¹ The Current State of China-Central Asia Diplomacy and Implications for U.S. Foreign Policy // Freeman Chair in China Studies. China's Emergence in Central Asia: Security, Diplomatic, and Economic Interests Forum One, February 5, 2003. P. 2.

² Tkacik J. Antiterror War is Geopolitical Disaster for China // The Jamestown Foundation. China Brief. V. 1. N 12 // <http://www.jamestown.org/publications_details.php?volume_id=17&issue_id=640&article_id=459>. 10.05.2004.

³ Wishnick E. Growing U.S. Security Interests in Central Asia // U.S. Army War College. Strategic Studies Institute Publication (October 2002). P. 1.

⁴ Цит. по: Loeb V. Footprints in Steppes of Central Asia; New Bases Indicate U.S. Presence Will Be Felt After Afghan War, The Washington Post, February 9, 2002. P. A.01.

⁵ U.S. Department of Defense. Quadrennial Defense Review Report (QDR), September 30, 2001. P. 2.

⁶ Elizabeth J. A. U.S.-Central Asian Cooperation. Testimony to the Subcommittee on Central Asia and the Caucasus, Foreign Relations Committee, U.S. Senate, December 13, 2001. P. 9.

⁷ Wishnick E. Op. cit. P. 28.

⁸ Ibidem.

⁹ Мухин В. Военные вызовы Каспийского региона // Независимая газета. 2004. 16 мая.

¹⁰ Пань Чжипин. Синьцзяндэ диюань чжэнчжи юй гоцзя анцюань. Лиши юй сяньчжуандэ каоча // Чжунго бяньцзян шида яньцзю. 2003. № 3. С. 67.

¹¹ Karnio R. Anti-Terror Needs Cancel CENTRASBAT // <http://www.janes.com>. 23.01.2002.

¹² Цит. по: Bhatti R., Bronson R. NATO's Mixed Signals in the Caucasus and Central Asia // Survival. 2000. V. 42, N. 3 (Autumn 2000). P. 139.

¹³ Сю Тао. Лобосунь чифан хацзи. Бэйтоэдэ чжаньлюе мяньсян чжуня // Ляован синьвэнь чжоукань. 2003. № 29. С. 58—59.

¹⁴ Bates G., Oresman M. A Romance Worth Entering // International Herald Tribune. 2002. November 22.

¹⁵ Sutter R. China's Recent Approach to Asia: Seeking Long-Term Gains NBR analysis. V. 13, N 1 (March 2002). P. 29.

¹⁶ Garver J. The China-India-U.S. Triangle: Strategic Relations in the Post-Cold War Era // NBR analysis. 2002. V. 13, N 5. P. 38, 41.

¹⁷ MacDonald J. A. Rethinking India's and Pakistan's Regional Intent // NBR analysis. 2003. V. 14, N 5. P. 19.

¹⁸ Singh A. I. India's Relations with Russia and Central Asia // International Affairs. 1995. V. 71, N 1. P. 80—81.

¹⁹ Чжу Цихуан. Чжуня юй ци диюань чжэнчжи синь тайши цзи ци дуй вогаде инсян // Гоцзи шию цзинцзи. 2002. № 11. С. 37.

²⁰ Wishnick E. Op. cit. P. 25.

²¹ Forsythe R. The Politics of Oil in the Caucasus and Central Asia, Adelphi Paper 30. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 37.

²² Wishnick E. Op. cit. P. 21.

²³ Луккин А. Шанхайская организация сотрудничества: проблемы и перспективы // Международная жизнь. 2004. № 3. С. 119—120.

²⁴ Там же. С. 123.

²⁵ Ло Сяюнь. Шилунь чжунго юй чжуня нэнюань хэцзодэ цзиюй юй тяочжань // Дуннанья цзунхэн. 2003. № 6. С. 62—63.

²⁶ Чжу Цихуан. Указ. соч. С. 36—37.

²⁷ Там же. С. 63.

²⁸ Чан Цин. Чжунго сибу кайфа юй фачжань тун чжуня угодэ цзинцзи хэцзо // Дуноу чжуня шичан яньцзю. 2002. № 11. С. 3—4.

²⁹ Чжао Чанцин. Чжунго ю чжуня угодэ цзинмао гуаньси // Дуноу чжуня шичан яньцзю. 2002. № 1. С. 24—25.

SUMMARY

"September 11 and China's Policy in Central Asia: New Priorities and Emphases" (Vitaly Borovoy)

In the aftermath of September 11, as the US launched its military operation against the Taliban in Afghanistan, the situation in Central Asia has changed dramatically. The US military presence, NATO activities in the region and the renewed interest that some countries (India) take in Central Asia are becoming essential features of the region's geopolitical development. It seems obvious that while Russia and China are trying to preserve their shattered influence in Central Asia, the balance of power here is shifting. Though China is doing its best to stay outside of what is perceived to be US—Russia quarrel, Central Asia has become too important for her to be ignored. Carefully avoiding direct confrontation with the US, China is keeping her favorite regional organization (Shanghai Cooperation Organization) afloat and working for the future establishing stronger economic ties between Central Asia and China. If successful, in a few decades China may become one of the most influential states in the region.